

Комсом. правда, 1997, - 2 апр. - с. 4

Юрий Нагибин любил Бога, трех женщин и Москву

3 апреля писателю Юрию Нагину исполнилось бы 77 лет. В эти дни вышла его книга «Всполюшный звон». Творческий залп издателей «убил двух зайцев»: отметил рождение писателя и подарил москвичам замечательный путеводитель по столице.

В свое время Юрий Нагибин вел телевизионный цикл о Москве – часть материалов телесценария легла в основу рукописи. Нагибин скорее собиратель книги «Всполюшный звон», чем ее автор в самом строгом смысле этого слова. В книге много цитат, наблюдений известных историков-москвоведов Забелина, Сытина, Ильина, Александрова, Миловой...

«От меня в этой книге одно – чувство Москвы. Сильное, нежное, интимное, порой болезненное, идущее из дней моего начала. – Пишет автор в предисловии. – Вот тут я ничего не заимствую и ни на кого не опираюсь. Это мое».

«Чувство Москвы» писатель пронес через все творчество, ибо родился в самом сердце столицы, чуть ли не у стен Кремля. А книги «Чистые пруды», «Переулки моего детства», «Школа», «Москва... как много в этом звуке» без всяких оговорок посвящены любимому городу.

Юрий Нагибин родился в старинной части Москвы, в Армянском переулке. Раньше переулочек назывался Столповским – в честь церкви Николая Чудотворца в Столпах. А еще он назывался Артамоновским, потому как в свое время здесь жил известный дипломат времен царя Алексея Михайловича, боярин Артамон Сергеевич Матвеев.

Набожный мальчик Юра Нагибин чуть ли не каждый день забегал в церковь (она была по пути в школу), истово молился за здоровье мамы и отчима, погибающего в сталинских лагерях, а после уроков в «ленинской комнате» выпускал атеистическую стенную газету «Безбожник», единственным редактором, автором и художником которой был.

«Двойственность во всем была жуткая, – рассказывал мне Нагибин. – Но она помогала хранить душу».

Время требовало гибкости от тех, кто был на нее способен. Но наивному дипломату Юре Нагину это не помешало хранить верность себе, тому, что заложено природой и воспитанием. Один из примеров. Когда на соседней Басманной улице туполобый бульдозер нацелился снести Щербатовские палаты, какой-то школьник бросил в бак с горючим с десяток кусочков сахара. Бульдозер замер. Пока разбирались, пока меняли горючее, высокое московское начальство отменило решение о сносе палат.

Подозреваю, этим школьником был Юра Нагибин.

У каждого из нас есть улица, которая становится судьбой. У Нагибина это Армянский, а потом Нащокинский переулочки. В Армянском, кроме церкви Николая Чудотворца с высокими, лебяжьими куполами, стоял дом, в котором провел детство Федор Тют-

чев. В этом же доме жили декабристы Заваляшин и Шереметев. Здесь был арестован тот самый Якушкин, о котором писал (простите за случайную рифму) Пушкин: «Меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал».

Рядом рос Абрикосовский сад. Одной из сторон дом, в котором рос Нагибин, выходил на Меньшикову башню с золотым шпилем.

Здесь у Юры Нагибина случилась первая любовь, ставшая его первой женой. В романе «Дафнис и Хлоя...» Нагибин описывает, как он отогревал дыханием следы от резинки на круглых, пахнущих абрикосом и солнцем ножках Маши Асмус. Маша подарила юному Нагину знакомство с Пастернаком.

Я думаю, Нагибин любил в жизни трех женщин: мать, Машу Асмус и свою последнюю (шестую) жену Аллу. Почему любил мать (человека, к слову, с очень неуживчивым характером) – понятно: мать есть мать. Машу Асмус любил потому, что она пришла на весну жизни, освещенную близостью почти мифологического убранства старой Москвы. Аллу любил больше всех на свете, потому что уже знал, что такое любовь.

Родись Нагибин в районе московских новостроек, как знать, стал бы он тем, кем стал. Новостройка – штамп архитектуры. Возможно ли любить штамп? «В смазанности окружающего трудно ощутить и собственную индивидуальность, – пишет Ю. Нагибин в «Всполюшном звоне». – Парень из Армянского переулочка был особый парень, и чистопрудненский – особый, и покровский – особый, и старосадский – особый. А этот, из микрорайона, каков он? Общий, как все, стало быть, никакой».

К слову. Нагину вторят московские социологи, сделавшие наблюдение: процент суицида в новых микрорайонах Москвы значительно выше, чем в районах старых застроек. И не только по причине разности контингента жильцов, но и потому, что однообразие давит на психику.

Для нас центр Москвы – Тверская, Пушкинская площадь, Кузнецкий мост, Петровка... Для жителей XVII века это была бы Покровка. В начале нашего века по ней грохотали двухэтажные конки.

И Юрий Нагибин – в молодости большой автомобилист – любил после очередного ужина в одном из ресторанов на Тверской вместе с Александром Галичем, его ревнивой женой и своей пассией (артисткой цирка) навеселе, под покровом теплой ночи, промчаться по Москве на новенькой «Победе», купленной на гонорары от киносценариев. При этом нисколько не заботясь о безопасности – своей и пассажиров...

Нагибинское «чувство Москвы» передается нам, его читателям. А 220 фотографий, специально для этого издания выполненных А. Сизухиным, позволяют Москву не только почувствовать, но и увидеть.

Сергей РЫКОВ.